

В.С. Батури^{*}

*Карагандинский национальный исследовательский университет имени академика Е.А. Букетова,
Караганда, Казахстан
(E-mail: baturin_vs@mail.ru)*

Институализация «социального конфликта» в контексте вербального отражения действительности

Статья посвящена концептуальному переосмыслению смысла понятий «конфликт» и «социальный конфликт». В конфликтологии произошла своеобразная натурализация данного социального феномена. Как следствие, не обращая внимания на различие между словами «социальный конфликт» и «конфликт», к конфликтам стали относить различные виды «споров» в качестве «столкновений» чего угодно: субъектов, сторон, государств, потребностей, идей, интересов, целей и т.д. Обращается внимание, что с античных времен в науке много сделано для понимания смыслового содержания слова. Это — отражение чувственно-мыслительных образов, изречаемых «о мыслимом предмете» и запечатленных в вербально-звуковом формате слов. Отмечается, что при этом язык — дом бытия мысли. Данный подход использован в методологии при исследовании социологии конфликта. Ретроспективный анализ идей о роли справедливости в социальном нормировании государств выявил логику «закон — права — свобода», представлявшую собой незыблемый фундамент в сфере организации ими всех видов правоотношений, начиная со времен Римской империи и по настоящее время. Античные греки представляли ее в логике: «свобода — обязанности — права». Установлено, что возникновение в американской социологии жизненно необходимой «страсти к улучшению общества» большей частью было обусловлено поисками альтернативы марксистским идеям в случае осуществления их на практике. Рассмотрены причины необходимости становления институционализации медиации в жизнедеятельности правовых государств, живущих по канонам Римского права. Данный процесс, как и институализация конфликтологии в целом, становится характерным и для стран «Центральноазиатской пятетки».

Ключевые слова: конфликтология, социальный конфликт, конфликт, отражение, справедливость, институализация, право, правоотношения, медиация, страны «Центральноазиатской пятетки».

Введение

Социальные реалии первой четверти XXI века все зримее стали приобретать характерные особенности. Негативный характер последствий практической реакции мирового сообщества на вызовы и угрозы, возникающие сегодня перед ним, все чаще оборачивается обвальным množающимся появлением новых и еще более взрывоопасных жизненных коллизий. Во многом это является следствием того, что политическое руководство ряда стран, относимых к разряду наиболее прогрессивных по существующим цивилизационным меркам, все чаще стало игнорировать тот колоссальный опыт, который мировое сообщество в тяжелейших испытаниях приобретало на протяжении всей своей истории. Следует отметить, что в качественном отношении к весьма значительному варианту его рефлексивного осмысления привели события, проходившие в мире именно в первой половине XX века. Прежде всего, это 1-я и 2-я мировые войны.

Казалось бы, что именно они вынудили приблизиться к осознанию того, что войны, как один из самых антигуманных видов противоборства между их непосредственными участниками, должны были быть исключены в качестве наиболее действенного инструмента при решении любого рода жизненно важных социальных проблем. Как следствие, в этих целях на определенной договорной основе стали возникать различного рода международные соглашения и создаваться организации как регионального, так и международного масштаба. Наглядным подтверждением тому может служить, как известно, возникновение ООН, ОБСЕ, провозглашение «Всеобщей декларации прав человека», «Декларации о запрещении применения ядерного и термоядерного оружия» и др.

В стратегическом отношении в своей миротворчески направленной деятельности они всячески должны были способствовать как упреждению, так и разработке мер, исключающих проявление в самых антигуманных формах разрешения любого рода возникающих взрывоопасных жизненных си-

^{*} Автор-корреспондент. E-mail: baturin_vs@mail.ru

туаций. В этом плане для поддержания и укрепления, казалось бы, уже определявшихся контуров обеспечения безопасности в условиях мирного сосуществования различных народов и государств большие надежды стали связывать с появлением и оформлением в 1950–1960-х гг. такой молодой науки, как конфликтология. Как известно, «обсуждение в 1957 г. проблем социальных конфликтов в рамках Социологической ассоциации ЮНЕСКО послужило организационным импульсом к проведению ряда конференций, созданию организаций, началу выпуска журналов, посвящённых проблематике конфликтов...» [1].

Однако даже многовариативность многозначия и многозначности того, что связано с применением данного слова, вряд ли особо способствуют выявлению подлинного смысла того, что на самом деле это слово отражает. Что, в свою очередь, немало способствует тому, что именно сегодня социальные процессы демонстрируют собой стремительное падение авторитета и значимости законодательно-договорной базы. Благодаря огромному потенциалу вариативности своих согласовательных возможностей договоры позволили значительно снизить опасность проявления негативных последствий противодейственности между людьми. К сожалению, реальность демонстрирует заметное доминирование так называемой санкционной политики, осуществляемой по принципу — «почему бы и нет». Инициаторов и всевозможные виды коалиций, формируемых из соучастников реализации на практике подобного рода политики, роднит одно: все более увеличивающийся набор изобретаемых ими в этих целях все новых и новых правил, что весьма чревато нагнетанием социальной напряженности и усилением эскалации конфликтогенности. В условиях же резко возрастающего оснащения государств средствами массового поражения, не только количественно, а главное, качественно, ставка на любое открыто проявляемое военное столкновение неминуемо может поставить мир поистине на грань геополитической катастрофы.

В этой связи актуальность обращения к выявлению сущности понятия «конфликт» во всей палитре его вариативных смыслов представляет собой не только чисто теоретическую, но и особую практическую значимость.

Методы исследования

К числу авторитетных определений сущности конфликтологии как науки можно отнести одно из них, согласно которому «Конфликтология — междисциплинарная область науки и практики, объединяющая теоретические, методологические и методические подходы к изучению социальных конфликтов и развитию практики работы с конфликтами, возникающими в различных сферах социального взаимодействия».

Вербальный формат определения данной науки уже своим смысловым содержанием открывает широкие возможности для применения различных методологических и методических подходов для исследований в данной области. С одной стороны, следует особо подчеркнуть, что объектом научного изучения должны стать именно «социальные конфликты», возникающие в различных сферах «социального взаимодействия». Тогда вполне логичен вопрос о правомерности существования такого подраздела данной науки, как «зооконфликтология».

А с другой, методологические и методические подходы должны служить «и развитию практики работы с конфликтами». Данное выражение явно предполагает характер «работы с конфликтами» по аналогии с тем, как это осуществляется с любыми другими объектами природы (*natura*), находящимися как бы вне и независимо от самого исследователя. Что, к примеру, следует из утверждения: «Конфликт ничем принципиально не отличается от остальных природных и социальных явлений» [2; 5].

Похоже, что именно при подобной натурализации данного социального феномена, относимого к сфере «социального взаимодействия», при исследовании подавляющего большинства проблем, относимых к разряду конфликтов, преобладают, в основном, два основных базовых подхода. «Первый, — как отмечает О.С. Анисимов, — опирается на видение ситуации, а другой на видение сущности бытия и корректного отношения к сути, к исторической реализации сути» [3; 30].

Как следствие, для преобладающего большинства сторонников именно первого из них характерно одно. Как правило, при исследовании всего многообразия коллизий в социальной сфере их критериальной основой выступает фактор ситуативной значимости тех или иных характерных особенностей отдельных событий. «Конфликтология, изучающая отношения в обществе во всей их полноте, находится сегодня на этапе эвристического описания всевозможного рода наиболее характерных си-

туаций, относимых в той или иной степени к разряду конфликтов и индуктивного представления, когда происходит разработка различных методов» [4; 62].

Особенности другого подхода в корне отличны от первого. Именно он может быть наиболее продуктивным как в выявлении истоков и причин, способствовавших зарождению самой науки конфликтологии, так и в особенностях исследования конфликта в качестве действительно «социального феномена».

Результаты

Язык — дом бытия ... мысли. Как известно, именно древние греки принадлежат к числу тех, кому принадлежит непреходящая по своей значимости заслуга не только во взглядах на характер сущности слова, но и в определении логической последовательности проявления сущности как таковой именно в слове. Так, вариант появления сущностного содержания (в «уме и знании»), предвзято его дальнейшее отражение именно в слове, можно встретить уже в диалоге Платона «Тимей».

«Она (душа) являет собою трехчастное смешение природ тождественного и иного с сущностью, которое пропорционально разделено и слито снова,...а потому при всяком соприкосновении с вещью, чья сущность разделена или, напротив, неделима, она всем своим существом приходит в движение и выражает в слове, чему данная вещь тождественна и для чего она иное, ... Это слово, безгласно и беззвучно изрекаемое в самодвижущемся [космосе], одинаково истинно, имеет ли оно отношение к иному или к тождественному». Но если оно изрекается о том, что ощутимо, ...тогда возникают истинные и прочные мнения и убеждения; ...тогда необходимо осуществляют себя ум и знание» [5].

Здесь, несмотря на специфичность данного высказывания, четко прослеживается не только последовательность причинно-следственного влияния «тождественности «души», «духа», «сущности», «вещи» на «слово», но и идея о том, что если оно (слово) «изрекается о том, что ощутимо», и «изрекается о мыслимом предмете»,...«тогда необходимо осуществляют себя ум и знание».

Аристотель является автором создания логики — науки о мышлении. В подлинном своем значении она одновременно является и наукой об отражении чувственно-мыслительных образов, изрекаемых «о мыслимом предмете», и они получают свое отражение в процессе конструирования ничем иным, как только языковыми средствами. А они, в конечном итоге, являются основой коммуникации. Ведь любое нечто, произносимое кем угодно вслух, лишенное определенного чувственно-смыслового содержания, или в случае, если произносимое является абсолютно неизвестным для иностранца, остается ничем иным, как простым — звукоизвлечением!

Идею не только о единстве мысли и слова, но и о приоритете мысли перед словом, можно встретить и у Гегеля. «Содержание, наполняющее наше сознание, какого бы рода оно ни было, — отмечает он, — составляет определенность чувств, созерцаний, образов, представлений, целей, обязанностей и т.д., а также мыслей и понятий» [6; 86].

Можно по-разному в философии относиться к исторической роли марксизма в философии. Но при этом вполне уместно изречение, согласно которому «Не следует ребёнка вместе с водой выплескивать из ванны» (М. Лютер). А ведь его классики не только сохранили свою приверженность идее вторичности слова в его взаимосвязи с мыслью, но и в данном случае их особая заслуга состоит и в том, что они разработали новый научный подход в понимании причин самой этой взаимосвязи. А его суть состоит в том, что само содержание нашего сознания в конечном итоге коренится в проявлении отражения как всеобщего свойства всей материи, родственно тождественного как неживым, так и живым ее видам.

Так, для К. Маркса, как известно, — «...Идеальное есть не что иное, как материальное, пересаживаемое в человеческую голову и преобразованное в ней» [7; 21].

А. Ф. Энгельс, к примеру, отмечал, что «... результаты, в которых обобщаются данные... опыта, суть понятия и что искусство оперировать понятиями не есть нечто врожденное и не дается вместе с обыденным, повседневным сознанием, а требует действительного мышления, которое тоже имеет за собой долгую эмпирическую историю...» [8; 14].

Здесь, в частности, следует подчеркнуть, что образность — это не только прерогатива абстрактного мышления. «Образ, — как отмечает О.С. Анисимов, — результат чувственного порождения или мыслительного конструирования языковыми средствами, субъективно «интерпретируемый» как «реальность», эмпирическая или теоретическая «идеальность» [9; 157]. Естественно, что образ как результат фиксации отражаемого никогда не исчерпывает всего его богатства свойств и отношений.

К дальнейшему развитию «видения сущности бытия» соотношения между чувством, мыслью и словом можно отнести обоснованность В.И. Лениным положения о том, что «Логично предположить, что вся материя обладает свойством, по существу родственным с ощущением, свойством отражения...» [10; 91].

Только вот за многовековую историю неизменной остается прочно утвердившаяся традиция о соотношении между мыслью и словом. «Логика [греч. λογική (τέχνη) — наука и искусство разговаривать и размышлять, от λόγος — слово, мысль, счёт], нормативная наука о законах, формах и приёмах интеллектуальной (мыслительной) познавательной деятельности» [11]. А ведь у Аристотеля в науке логики сущность данной «интеллектуальной (мыслительной) познавательной деятельности» последовательно находит свое отражение именно в вербально-коммуникативном формате. И три формы мышления нашли свое конкретное выражение, как известно, именно в словах: понятие, суждение и умозаключение. Равно как и содержательное значение только трех основных законов логики (а не четырех, как это принято сегодня по традиции считать) у самого Аристотеля, соответственно, раскрывается непосредственно именно при помощи соответствующих слов.

Обсуждение

Уточняйте значение слов... А теперь более подробно следует остановиться на причинах столь пристального внимания к востребованности словосочетания «социальный конфликт». Основой для этого может послужить один из афоризмов, относимых к разряду философских изречений. Сам по себе авторитет его автора, что касается его отношения к значимости вербального (в слове) отражения сущности мысли, вряд ли может подлежать сомнению. Подтверждением тому — материал одного из исследователей творчества А.С. Пушкина. «17 января 1831 г. Пушкин набросал начало статьи, которую озаглавил «Обозрение обозрений». Написано было лишь два абзаца, опубликованных почти столетие спустя, в 1928 г. Второй абзац начинался фразой: «Определяйте значение слов, говорил Декарт». Затем, приступив к правке заметки, Пушкин добавил: «...и вы избавите свет от половины его заблуждений» [12; 171].

В данном контексте теперь обратимся к причине столь пристального внимания именно к словосочетанию «социальный конфликт». В конфликтологической литературе принято считать, что одним из первых, кто ввел в научный оборот само слово «конфликт», является Г. Зиммель. И при этом именно конфликту предписывается особая роль в организации общественной жизни. «Как только жизнь возвысилась над чисто животным состоянием до некоторой духовности, а дух в свою очередь поднялся до состояния культуры, в ней обнаружился внутренний конфликт, нарастание и разрешение которого есть путь обновления всей культуры» [13; 61].

В данном случае именно «конфликт» в мировоззренческом учении «философии жизни» выступает в качестве своеобразного проявления противоречия для оппозиции таких «чистых форм», как «животное состояние», «духовность», «дух», «культура». Конфликт — это атрибутивный фактор неизбежности его проявления во временной модальности «обновления всей культуры».

Однако на эту характернейшую особенность в методологии теоретических изысканий Г. Зиммеля мало кто обращает особое внимание. А при оценке ее значимости следует обратиться к мнению такого известного авторитета в этой сфере, каким является Л. Козер. «Идеи Зиммеля не выводятся из общей теоретической конструкции, как идеи Фрейда или Маркса. Хотя теория *in pace* и содержится в работах Зиммеля, она может быть лучше всего реконструирована путем включения в нее основных идей, высказанных по сходным проблемам другими мыслителями» [14; 50]. В дальнейшем именно подобное «реконструирование» этой его теории и продолжает осуществляться в современных условиях.

Кроме того, работы Л. Козера, одного из первых авторов теории «социологии конфликта», во многом могут пролить свет на причины возникновения в Америке социологии как таковой. Он отмечал: «Как писали Албион Смолл и Джордж Винсент в первом в Америке учебнике социологии: «Социология родилась из современной страсти к улучшению общества» [14; 37]. Но, как свидетельствуют социальные реалии, сама данная «страсть» была обусловлена потребностями, выходящими далеко за пределы интересов, относимых только к сфере «чистой науки».

Выявлению причин появления подобной «страсти к улучшению общества» позволяет пример сопоставления двух в корне различных теоретических концепций о «сущностных основах бытия», различных видов насилия, проявляемых именно в социальной среде. В первом случае это теоретиче-

ские воззрения авторов, стоявших непосредственно у истоков самой теории «социологии конфликта». К их числу относятся, прежде всего, работы Л. Козера, Р. Дарендорфа, Парсонса и др.

Во втором акцент будет сделан на привлечении работ из наследия классиков марксизма. Это обусловлено тем, что сами социологи, признавая заслуги К. Маркса, вовсе не считают его чужим для себя. Так, к примеру, отмечается, что «В творчестве Конта и К. Маркса обе ориентации в трактовке социологии как естественно-научной и гуманитарной дисциплины сосуществовали и получили развёрнутое обоснование» [15].

Но здесь следует особо остановиться на том, на что в существующей социологии меньше всего обращается внимания. Хорошо известным является мнение К. Маркса о том, что «...производство жизни — как собственной, посредством труда, так и чужой, посредством рождения, появляется сразу в качестве двойного отношения: с одной стороны, в качестве естественного, а с другой — в качестве общественного отношения, общественного в том смысле, что имеется в виду сотрудничество многих индивидов, безразлично при каких условиях, каким образом и для какой цели» [16; 28].

Естественно, подобный характер «производства жизни» каждым человеком и в природной, и в социальной среде есть не что иное, как постоянно непрерывающийся процесс в осуществлении им своей индивидуальной жизнедеятельности (ИЖД). И он не может не осуществляться за счет взаимодействия самого человека с условиями постоянного существования, как в среде природной, так и в среде социальной. Причем подобное взаимодействие в них не может не быть сопряжено с проявлением при этом различного рода насилия. Как им — по отношению к окружающей среде. Так и последней — к нему. И не важно, происходило ли это во взаимодействии между отдельными людьми. Или касалось противостояния во взаимодействии между отдельным человеком и его остальным окружением. Или это чинилось какой-либо отдельной частью сообщества по отношению к другим его составным частям. Ведь подобного рода противостояние — это вид социальной деятельности, при которой кто-либо пытается «подчинить иную деятельность своим потребностям вне учета особенностей интересов иной деятельности» [17; 250].

В контексте методологии деятельностного подхода подлинная суть социального конфликта состоит в том, что определяющим целеполаганием в организации ИЖД персонально каждого из числа их непосредственных участников выступает только одно стремление — переподчинить «иную деятельность своим потребностям». И достигаться это может разными путями и средствами: от уничтожения условий, средств и результатов этой «иной деятельности», вплоть до физического уничтожения самой ИЖД своих врагов, равно как и их всевозможных сподвижников. Поэтому, к примеру, слова: плен, убийство, расстрел, казнь и другие, подобные им, произносимые на любом языке, вряд ли вызовут особое расхождение, как в чувственном, так и в абстрактно-мыслительном представлении людей о подлинной содержательной сущности того, что они отражают собой в разноязычном вербальном звучании.

При этом все исторические эпохи, сменявшие друг друга, характеризует одна общая закономерность. Суть ее в том, что любые социальные образования во всем их многообразии всегда были расчленены как бы на различные «сословия». Кстати, само подобное их расчленение зафиксировано именно в звучании данного «слова». А в дальнейшем именно этот вербальный формат и возводился в ранг содержания правил, норм или даже конкретных законов, по которым функционировало соответствующее «социальное образование». Их состав, априорно находясь в антагонизме по отношению друг к другу, вел нескончаемо непримиримую борьбу между собой. При этом определенная часть населения, путем обмана, какими-либо иными, пусть даже легитимно закрепляемыми способами, а в пределе — применяя открыто проявляемое насилие, как правило, всегда обрекала других на «объектоподобное» существование. И делалось это с одной целью, обеспечить удовлетворение этой части «сословия» своих персональных или социально значимых потребностей, интересов, целей и т.п., именно за счет остального своего окружения.

Люди, обреченные на «объектоподобное» существование, доведенные до отчаяния, стремились любыми способами, в том числе и с применением антигуманных средств, исправить данное свое незавидное положение. Это их стремление варьировалось в пределе, начиная от достижения определенных послаблений в данном своем положении, и — вплоть до насильственного обращения в «объектоподобное» состояние бывших своих тиранов. Но все эти события, по своей сути, напрямую никак не были направлены на искоренение в обществе его антагонистической «сословной» природы. О чем наглядно свидетельствует их отражение в таких словах, как бунт, мятеж, восстание и даже война.

Но век XIX предложил вариант коренного изменения взгляда на роль насилия в эволюции развития общества. Именно марксизм, исходя из сущности ИЖД человека и определения ее места и роли в

процессе именно производственной деятельности в многовековом прошлом общества, предложил совершенно иное стратегическое видение изменения существующих социальных порядков.

Как известно, в своем Манифесте коммунисты открыто заявляли, «...что их цели могут быть достигнуты лишь путем насильственного ниспровержения всего существующего общественного строя. Пусть господствующие классы содрогаются перед Коммунистической Революцией» [18]. В данном случае, само по себе, слово «революция» уже априорно отражало собой вполне конкретное чувственно-смысловое содержание того вида насилия, которое выбирал для себя пролетариат для достижения намеченной цели.

Л. Козер обращает внимание на то, что у Г. Зиммеля «конфликт — это форма социализации» [14; 52]. А ведь институционализация — «...процесс превращения новых, эпизодических социальных практик, новаций и представлений в устойчивые, действующие на протяжении длительного времени структуры общества, так что в конечном счёте они оформляются в виде социальных институтов...» [19]. И в данном случае именно дальнейшая «социализация» «новаций и представлений» о неотвратимом будущем еще только «призрака коммунизма» являла собой прямую угрозу наличию веками существовавших «социальных институтов». В этом, похоже, и кроется одна из подлинных причин безотлагательного появления у господствующей части общества острой, жизненно необходимой «страсти к улучшению общества». И эта миссия, в качестве важнейшего социального заказа, состоящего пока еще только в попытке разработки теоретических вариантов, альтернативных марксистским идеям, была возложена на формировавшуюся новую науку — социологию.

Что же касается непосредственно самого словосочетания «социальный конфликт», то за подтверждением этому можно в очередной раз обратиться к авторитету Л. Козера. В частности, он писал: «На одном из первых собраний (1907 г.) вновь организованного Американского социологического общества в качестве главной темы обсуждения был избран *социальный конфликт*» [14; 35]. И далее. «Социальный конфликт» вновь был избран основной темой для обсуждения на двадцать шестом ежегодном собрании Американского социологического общества уже в 1930-м году. Но как следует из материалов этого собрания: «Социальный конфликт» представляет собой с социологической точки зрения совершенно не изученную область» [14; 35]. Внимание Л. Козера привлекает одно из созвучных высказываний по этому поводу и Джесси Бернарда, одного из представителей уже следующего поколения американских социологов. «Со времен пионеров, таких, как Смол, Парк и Росс, сделано очень мало. В последние годы американские социологи удовлетворились тем, на чем остановился в своих исследованиях конфликт Зиммель» [14; 36].

Похоже, что подобное онтологическое основание в понимании сущности конфликта и сыграло определяющую роль в дальнейших исследованиях данного социального феномена. В связи с чем как названия, так и содержательный характер фундаментальных работ Г. Зиммеля, Л. Козера, Р. Дарендорфа, Т. Парсонса, К. Боулдинга, Й. Галтунга, А. Маслоу и других с самого начала предопределили собой методологические подходы при исследовании его особенностей. И как следствие, всеми теми, кто начинал увлекаться конфликтной проблематикой, «социальный конфликт» отнюдь не рассматривался как исключительно негативное явление, он считался носителем и позитивной функции, источником социальных изменений и «прогресса».

О признании особой значимости именно данного представления о роли конфликта при соответствующем реформировании общественного «прогресса», кстати, можно встретить и у Л. Козера. Так он отмечает: «О ведущих фигурах того времени — Уорде, Смолле, Россе, Веблене и Кули — можно сказать, что они были «структурными реформаторами», поскольку выступали за столь глубокие социальные преобразования, что, будь они реализованы, можно было бы по справедливости говорить о тотальном изменении структуры общества и появлении новой социальной системы, основанной на иных структурных предпосылках» [14; 38].

Однако сама перспектива о подобном виде «глубоких социальных преобразований», которые представляли бы собой «тотальное изменение структуры общества», что способствовало бы появлению «новой социальной системы», в корне отличалась от того, что предлагали коммунисты. В тексте Манифеста коммунистической партии прямо отмечается, «...буржуазное общество не уничтожило классовых противоречий. Оно только поставило новые классы, новые условия угнетения и новые формы борьбы на место старых». И далее «Теоретические положения коммунистов ни в какой мере не основываются на идеях, принципах, выдуманных или открытых тем или другим обновителем мира» [18]. Кстати, данное положение в корне противоречит уж давно укрепившейся традиции, когда «Считается, что основания теории конфликта и последующего формирования социологии конфликта

были заложены К. Марксом и Г. Зиммелем, которым принадлежат первые систематические описания процессов борьбы и конфликта в обществе». А «Идеи Маркса и Зиммеля в 20 в. были, соответственно, развиты Р. Дарендорфом («диалектическая теория конфликта») и Л. Козером («конфликтный функционализм») [1].

Однако само по себе появление словосочетания «социальный конфликт» (конфликт — от лат. *conflictus* — столкновение) в данном его мировоззренческом представлении самих социологов открывало широкие перспективы для исследования практически всех сфер жизни общества, что исследователи стали относить к разряду конфликтов. Ведь как ИЖД отдельного человека, так и любого из типов образуемых людьми сообществ весьма трудно найти сферу, где не давали бы о себе знать различного рода споры, столкновения, противостояния, борьба и т.д. Как следствие, к конфликтам стали относить все виды «столкновений» чего угодно: субъектов, сторон, государств, потребностей, идей, интересов, целей и т.д.». В итоге сегодня зачастую к конфликтам относят далеко и не только то, что напрямую связано с проявлением насилия во всем его многообразии. Однако неизменная структурная организация миропорядка, где доминирующими являлись интересы, как правило, «сословного» меньшинства, благодаря именно вербальному формату, возведенные в ранг законов, со временем стала начинать проявлять свою несостоятельность.

Как известно, именно античности принадлежит определяющая роль в выработке основополагающих идей о законодательном обустройстве государств, формировавшихся в Европе.

Обращение в данном случае к идеям древних греков о понимании ими сущности подлинной свободы дает весьма четкое представление и о ее роли в процессе справедливого обустройства любого типа социального сообщества. «Справедливость, — как отмечал Эпикур, — сама по себе не есть нечто, но в сношениях людей друг с другом в каких бы то ни было местах всегда она ... есть договор о полезном — с целью не вредить друг другу и не терпеть вреда» [20; 217]. Следуя в подобном договоре принципу «воздаяния равным», греки зафиксировали в «вербальном отражении» не только тождественность понимания каждой из сторон, в первую очередь, меры своих обязанностей, а уже только потом и соответствующую им меру своих прав. Здесь четко проявляется акцент на значимость именно моральной ответственности каждой из них. И не только на стадии заключения, но и при реализации ими на практике требований, отраженных «в вербальном формате» данного договора. Так, к примеру, Аристотель писал, что «...общественные отношения, имеющие дело с обменом, поддерживаются именно этим видом справедливости, воздаянием равным, которая имеет в виду пропорциональность, но не равенство, ибо общество держится тем, что каждому воздается пропорционально его деятельности...» [21; 463]. Таким образом, подобное соотношение во взаимосвязи: свобода — обязанности — права, это не только онтология понимания сущности справедливости. Но это, одновременно, и фиксация логики процесса формирования законодательной базы правоотношений как таковых вообще.

Однако в условиях Римской империи, даже несмотря на то, что и тогда тоже считалось, что «Право получило свое название от (слова) справедливость...» [22], был избран совсем иной путь ее понимания при формировании законодательной базы своего обустройства. Римское право возникает как законодательно установленный набор определенного вида прав, своего рода привилегий, для тех, кто относился к числу своих граждан, и их отсутствия у тех, кто не входил в их число. В частности, в первую очередь данным «сословно» обусловленным набором прав стали обладать те, кто относился к квиридам, как принадлежавшим к одному из исконно римских родов. Первоначально сфера набора этих прав касалась преимущественного положения при доступе к наиболее жизненно важным ресурсам: общественная земля, рабы, скот и т.д. В дальнейшем, по мере могущественного роста самой империи, росло законодательно определяемое число набора подобного рода прав, равно как и число тех, кто в той или иной мере удостоивался возможности ими обладать. Здесь следует отметить одно. У греков достижение справедливости в социальной среде считалось возможным в логике: свобода — обязанности — права. Римлянами же при ее достижении в сфере правоотношений была избрана иная логика: закон — права — свобода.

Интересно здесь мнение Гегеля о характерных особенностях римского права. «Достаточно ясно, — особо подчеркивал он, — что только *личность* имеет право на *вещи*, и поэтому личное право есть по существу *вещное право*, если понимать вещь в ее общем смысле как внешнее по отношению к свободе, то внешнее, к которому относится также мое тело, моя жизнь. Это вещное право есть право *личности* как *таковой*. Что же касается так называемого *личного права* в римском праве, то человек может быть лицом, лишь обладая известным статусом (...); тем самым в римском праве даже сама

личность, противопоставленная рабству, есть лишь *сословие, состояние*... Римское личное право есть поэтому во всяком случае не право лица как такового, а лишь право *особенного* лица...» [23; 100].

Это, в свою очередь, повлекло за собой совершенно иное понимание в римском праве и такого понятия, как свобода. «Свобода есть естественная способность каждого делать то, что ему угодно, если это не запрещено силой или правом» [22; Кн. 1, тит. 5, фр. 4]. В связи с чем это, похоже, и явилось одной из важнейших причин порождения безграничной веры в возможности противопоставить «каждому делать то, что ему угодно», но совершенно иным способом. Если это не выходило за рамки, дозволяемые соответствующими законами. А сами государства, где законодательно правовой принцип стал доминирующим в процессе урегулирования ими всех сфер собственной жизни, стали относиться к разряду правовых. И данная традиция остается незыблемой вплоть до сегодняшних дней.

Однако подобный, законодательно обусловленный способ получения свободы обернулся совершенно качественно новым обвалом «столкновений» между собой тех, кто становился по закону ее правообладателем. Если кто-то по каким-либо причинам стал предполагать, что в какой-то мере нарушаются его права, то это считалось своего рода проявлением несправедливости по отношению к нему. Если же возникала мысль, что мера прав другого, по его мнению, оказалась несколько завышенной, то это уже воспринималось как нарушение закона. Ибо — «перед законом все равны». А установление «истины» в том и другом случае можно было достичь только одним путем — обращением в суд. Но теперь и сами судебные органы, все виды профессиональной деятельности которых тоже оказались жестко регламентированы предписаниями соответствующих законов, стали испытывать все возрастающие трудности при рассмотрении подобного рода тяжб и обращений.

Как следствие, именно судебный характер разрешения всех видов подобного рода «споров, столкновений» послужил основой институционализации в обществе такого социального феномена, как «медиация». «Медиация (англ. mediation; лат. mediatio — посредничество, от medio — делить пополам, посредничать), один из способов альтернативного разрешения споров (APC / ADR — alternative dispute resolution), заключающийся в добровольном урегулировании преимущественно частноправового спора его сторонами посредством проведения переговоров при участии привлечённого посредника (медиатора), который при применении коммуникативных техник способствует принятию сторонами взаимоприемлемого медиативного соглашения» [24].

Из содержания данного определения следует, что медиация представляет собой вариант только одного из способов «разрешения споров частноправового» характера, рассматриваемого в качестве альтернативы существующей в любом государстве своей судебной системы. И осуществляться он должен при помощи медиатора (посредника), все функции которого осуществляются «посредством проведения переговоров». Но набор данных техник, как и непосредственно весь сам процесс переговоров, осуществляются, кстати, только в «вербально-смысловом формате». К тому же, добровольное достижение принятия «сторонами взаимоприемлемого соглашения» в итоге носит всего лишь только «ситуативно значимый характер». И это ни в коей мере не касается видения «сущности бытия» тех причин, что повлекли за собой возникновение ситуации спорного характера. В существующей литературе по конфликтологии зачастую события даже мелко значимого ситуативного характера определяют не иначе, как «конфликт».

Практика показывает, что в современных условиях институционализация именно медиации получила мощный стимул для закрепления в жизнедеятельности государств, приверженцев законодательно-правовой системы в организации всех сфер, как внутренней, так и внешней жизни. Естественно, что и молодые суверенные государства, избрав для себя путь вхождения в мировую когорту правовых государств, в разной мере уже стали сталкиваться со всем набором подобного рода проблем. Как наглядно свидетельствуют данные, страны «Центральноазиатской пятерки» в темпах процесса развития институционализации непосредственно самой медиации пока демонстрируют даже существенные различия.

Так, в некоторых из них сами Законы о медиации стали появляться в различное время. К примеру, в Казахстане — в 2011 году; в Кыргызстане — в 2017; в Узбекистане — в 2018. Президентом Республики Таджикистан в феврале 2026 года издан Указ «О Конвенции об учреждении Международной организации по медиации» [25]. Законодательство Туркменистана пока не предусматривает такого способа разрешения споров, как медиация.

Следует отметить, что в Законе Республики Казахстан четко обозначено: «Сферой применения медиации являются споры (конфликты), возникающие из гражданских, трудовых, семейных, админи-

стративных правоотношений... если иное не установлено законами Республики Казахстан, и отношения, возникающие при исполнении исполнительного производства» [26].

В несколько иной редакции статья о сфере применения медиации трактуется в данном Законе Кыргызской Республики: «1. Настоящий Закон регулирует отношения, связанные с применением медиации к конфликтам (спорам), возникающим из гражданских, семейных, трудовых, уголовно-правовых правоотношений.

2. Медиация не применяется в случаях, когда конфликт (спор) затрагивает интересы других лиц, не участвующих в медиации» [27].

Как свидетельствует практика, молодым суверенным государствам у себя еще много предстоит сделать в плане институционализации как непосредственно медиации, так и развития конфликтологии в целом.

Выводы

Существующую литературу по конфликтологии отличает одна характерная особенность. Она наглядно свидетельствует о том, что большинство ее авторов не всегда обращают внимание на то различие в содержании используемых ими при этом таких понятий, как «конфликт» и «социальный конфликт». Поэтому сегодня любой из вариантов трактовки их смыслового содержания ни у кого не вызывает особых сомнений. Во многом это обусловлено и тем, что сами среды, и природная, и социальная, не скупятся на преподнесение изобилия различного рода ситуаций, в которых, в той или иной мере, проявляются признаки, аналогичные весьма произвольной трактовке содержания этих понятий. В связи с чем, к примеру, появляются такие виды конфликтов, как «социальные, асимметричные, виртуальные, сложносоставные, виртуальные» и иного рода.

Вместе с тем, начиная с античных времен, в науке уже много сделано для того, чтобы понять, что само слово есть не что иное, как вербальное отражение смыслового содержания, фиксируемое в мышлении. Но и образы абстрактного мышления, в свою очередь, тоже имеют за собой «долгую эмпирическую историю». Поэтому обращение к канонам науки логики, которая в подлинном смысле является и наукой «об отражении чувственно-мыслительных образов, изрекаемых «о мыслимом предмете» и запечатленных в вербально-звуковом формате слов, во многом бы способствовало сокращению обвально множащегося их появления, относимых к разряду терминологических сленгов.

Возможности данного методологического подхода способствовали несколько по-иному взглянуть на причины появления в науке такого словосочетания, как «социальный конфликт». Причины его подлинной востребованности именно в социологии почему-то не особо интересуют современных конфликтологов.

Конечно, в конце XIX века в буржуазном мире у наиболее его передовых представителей зрели идеи об определенном переустройстве мира с целью его улучшения. В социологии их относили к разряду «структурных реформаторов». Но вряд ли их идеи были созвучны тому, что по этому поводу предлагали в своем Манифесте коммунисты. Поэтому сама перспектива о неотвратимости реализации этих идей на практике являла собой прямую угрозу наличию уже веками существовавших в обществе социальных устоев и порядков. И разработка социологии конфликта должна была стать, своего рода, альтернативой теоретическим положениям коммунистов. Именно с этой целью в социологии особую востребованность получают идеи Г. Зиммеля о конфликте.

Обращение к работам первых американских социологов наглядно свидетельствует, что конфликт действительно был основной категорией в их учениях. И, даже более того, он рассматривался как основополагающий и конструктивный элемент любого типа социального сообщества. А теоретические учения об обществе, особенно в части объяснения причин происходящих в них социальных изменений, где не отводилось место конфликтам, представлялись им ущербными.

В дальнейшем разработка социологии конфликта велась в плане акцентирования внимания не столько на его разрушительном, сколько одновременно и на созидательно прогрессивном потенциале. Это позволило, в конечном итоге, сформировать представление о равноценности влияния идей К. Маркса, наряду с идеями Г. Зиммеля, на зарождение и развитие социологии конфликта. Вот только их последователи в своих взглядах на неизбежность проявления именно пролетарской революции почему-то особо и не вспоминают. Что впоследствии позволило заслуги К. Маркса приравнять к заслугам и других социологов в сфере разработки теории и социологии конфликта.

Ретроспективное обращение к эволюции идей о понимании путей и способов достижения справедливости при регулировании всех сфер жизни государства наглядно свидетельствует об одном. И в современном цивилизованном мире нормативно-правовое обеспечение жизнедеятельности даже наиболее передовых государств осуществляется на основе все тех же принципов, которые были выработаны еще в условиях существования Римской империи. Римлянами была разработана и использована система государственного управления, где доминирующей являлась юридическая модальность. При этом логика: закон — права — свобода представляла собой незыблемый фундамент в сфере организации ими всех видов правоотношений. В то время как у греков достижение справедливости в социальной среде считалось возможным в логике: свобода — обязанности — права.

Поэтому преобладание юридической модальности в государственном обустройстве современных государств во многом способствует тому, что у людей, особенно у подрастающего поколения, возникает больше претензий к окружению по поводу посягательства на их права и свободу. При этом необходимость наличия у них обязанностей почему-то особо не приветствуется.

Государства, где гарантирован законодательно обусловленный способ получения прав на свободу, в силу законодательно регламентированной судебной формы разрешения всех видов реального или даже мнимого нарушения канонов государственного обустройства, как показала практика, вынуждены встать на путь институционализации медиации в качестве, даже не столько альтернативы, сколько вида вспомогательной помощи именно всей системы обеспечения правосудия.

И тот суммарный опыт, который приобретают различные страны в процессе использования медиации, позволяет сказать, что она трансформируется в своеобразный вид социального менеджмента.

Благодарности

Данное исследование финансировалось Комитетом науки Министерства науки и высшего образования Республики Казахстан (AP26197871 — «Проблема институционализации конфликтологии в странах «Центральноазиатской пятерки»: состояние и стратегия развития»).

Список литературы

- 1 Большая российская энциклопедия. — [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://bigenc.ru/c/konfliktologija-6389da>.
- 2 Светлов В.А. Введение в единую теорию анализа и разрешения конфликтов: учебное пособие / В.А. Светлов. — 2-е изд. — М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2012. — 304 с.
- 3 Анисимов О.С. Методология и цивилизационное самоопределение в XXI веке / О.С. Анисимов. — М., 2008. — 294 с.
- 4 Крюков Н.А. О гносеологических аспектах представления конфликта / Н.А. Крюков, Т.В. Крюкова // Конфликтология. Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 17. — 2015. — Вып. 2. — С. 53–65.
- 5 Платон. Тимей [Электронный ресурс] / Платон. — Режим доступа: https://www.100bestbooks.ru/files/Platon_Timey.pdf.
- 6 Гегель Г.В.Ф. Энциклопедия философских наук / Г. В.Ф. Гегель. — М.: Мысль, 1974. — Т. 1: Наука логики. — 452 с.
- 7 Маркс К. Сочинения / К. Маркс, Ф. Энгельс. — 2-е изд. — М.: Государственное издательство политической литературы, 1961. — Т. 23. — 908 с.
- 8 Маркс К. Сочинения / К. Маркс, Ф. Энгельс. — 2-е изд. — М.: Государственное издательство политической литературы, 1961. — Т. 20. — 828 с.
- 9 Философско-методологический словарь / авторский коллектив ММПК; под ред. О.С. Анисимова. — М., 2021. — 252 с.
- 10 Ленин В.И. Полное собрание сочинений / В.И. Ленин. — 5-е изд. — М.: Издательство политической литературы, 1968. — Т. 18. — С. 91.
- 11 Логика [Электронный ресурс] // Большая российская энциклопедия. — Режим доступа: <https://bigenc.ru/c/logika-9c9cca>.
- 12 «Определяйте значение слов...» Об источниках Пушкинского афоризма. — [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/opredelyayte-znachenie-slov-ob-istochnikah-pushkinskogo-aforizma>.
- 13 Зиммель Г. Избранные работы / Г. Зиммель. — К.: Ника-Центр, 2006. — 440 с.
- 14 Козер Л. Функции социального конфликта / Л. Козер; пер. с англ. О. Назаровой; под ред. Л.Г. Ионина. — М.: Идея-Пресс, 2000. — С. 34–111, 147–167.

- 15 Большая российская энциклопедия. — [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://bigenc.ru/c/sotsiologiia-6bef58>.
- 16 Маркс К. Немецкая идеология / К. Маркс, Ф. Энгельс // Сочинения. — 2-е изд. — М.: Государственное издательство политической литературы, 1955. — Т. 3. — С. 7–544.
- 17 Анисимов О.С. Методологический словарь / О.С. Анисимов. — 4-е изд., доп. и перераб. — М., 2008. — 414 с.
- 18 Маркс К. Манифест Коммунистической партии [Электронный ресурс] / К. Маркс, Ф. Энгельс. — Режим доступа: <https://www.marxists.org/russkij/marx/1848/manifesto.htm>.
- 19 Институционализация [Электронный ресурс] // Большая российская энциклопедия. — Режим доступа: <https://bigenc.ru/c/institutsionalizatsiia-7753b9>.
- 20 Материалисты древней Греции. — М.: Госполитиздат, 1955. — С. 238.
- 21 Антология мировой философии: [в 4 т.]. — М.: Мысль, 1969. — Т. 1, Ч. 1. — С. 576.
- 22 Дигесты Юстиниана [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://digestaiust.narod.ru/>.
- 23 Гегель Г.В.Ф. Философия права / Г.В.Ф. Гегель. — М.: Мысль, 1990. — 524 с.
- 24 Большая российская энциклопедия. — [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://bigenc.ru/c/mediatsiia-v-prave-2ec0d6>.
- 25 Указ Президента Республики Таджикистан [Электронный ресурс] // Информационно-правовая система Параграф. — Режим доступа: https://prg.kz/document/?doc_id=38559247.
- 26 О медиации: Закон Республики Казахстан от 28 января 2011 года № 401-IV (с изм. и доп.) [Электронный ресурс] // Информационно-правовая система Параграф. — Режим доступа: https://prg.kz/document/?doc_id=30927376.
- 27 Закон Кыргызской Республики от 14 ноября 2025 года [Электронный ресурс] // Информационно-правовая система Параграф. — Режим доступа: https://prg.kz/document/?doc_id=39250091.

В.С. Батурин

Шындықты ауызша көрсету контексінде «әлеуметтік қақтығысты» институттандыру

Мақала *қақтығыс* және *әлеуметтік қақтығыс* ұғымдарының мәнін тұжырымдамалық тұрғыдан қайта пайымдауға арналған. Қақтығыстану ғылымында осы әлеуметтік феноменнің өзіндік натурализациясы орын алды. Соның салдарынан «әлеуметтік қақтығыс» және «қақтығыс» сөздерінің арасындағы айырмашылыққа назар аудармай, қақтығыстарға субъектілердің, тараптардың, мемлекеттердің, қажеттіліктердің, идеялардың, мүдделердің, мақсаттардың және т.б. кез келген «қақтығысуы» ретіндегі әртүрлі «дауларды» жатқыза бастады. Мақалада ежелгі дәуірден бері ғылымда сөздің мағыналық мазмұнын түсінуге бағытталған көптеген зерттеулер жүргізілгеніне назар аударылады. Сөз — бұл «ойланатын зат туралы» айтылатын және сөздердің вербальды-дыбыстық формасында бекітілетін сезімдік-ойлау бейнелерінің көрінісі ретінде қарастырылады. Бұл ретте тіл — ой болмысының үйі екені атап өтіледі. Аталған тәсіл қақтығыс социологиясын зерттеудің әдіснамалық негізі ретінде пайдаланылды. Мемлекеттердің әлеуметтік нормалануындағы әділеттіліктің рөлі туралы идеяларға жүргізілген ретроспективалық талдау заң — *құқықтар* — *бостандық* логикасының Рим империясы дәуірінен бастап бүгінгі күнге дейін құқықтық қатынастардың барлық түрлерін ұйымдастырудың мызғымас іргетасы болғанын көрсетті. Ал ежелгі гректер бұл байланысты *бостандық* — *міндеттер* — *құқықтар* логикасы арқылы түсіндірген. Зерттеу барысында американдық әлеуметтануда қоғамды жетілдіруге деген өмірлік маңызды «құштарлықтың» қалыптасуы көбінесе маркстік идеяларды іс жүзінде жүзеге асыру жағдайында оларға балама іздеумен байланысты болғаны анықталды. Сондай-ақ Рим құқығы қағидаттарына негізделген құқықтық мемлекеттердің өмір сүру жүйесінде медиацияны институционалдандыру қажеттілігінің себептері қарастырылды. Бұл үдеріс, жалпы қақтығыстануды институционалдандыру сияқты «Орталық Азия бестігі» елдеріне де тән құбылысқа айналып келеді.

Кілт сөздер: қақтығыстану, әлеуметтік қақтығыс, қақтығыс, бейнелеу, әділеттілік, институционалдандыру, құқық, құқықтық қатынастар, медиация, «Орталық Азия бестігі» елдері.

V.S. Baturin

Institutionalization of «social conflict» in the context of verbal reflection of reality

This article is devoted to a conceptual reconsideration of the meaning of the concepts *conflict* and *social conflict*. In conflict studies, a peculiar naturalization of this social phenomenon has occurred. As a result, by dis-

regarding the distinction between the terms “social conflict” and “conflict,” various types of “disputes” came to be regarded as conflicts, understood as “clashes” between virtually anything: subjects, parties, states, needs, ideas, interests, goals, and so on. The article emphasizes that, since antiquity, considerable efforts have been made in scholarship to understand the semantic content of words. A word is understood as a reflection of sensory-cognitive images expressed «about a conceived object» and embodied in the verbal and phonetic form of language. It is noted that, in this context, language is the house of the being of thought. This approach is employed as a methodological basis for the study of the sociology of conflict. A retrospective analysis of ideas concerning the role of justice in the social regulation of states reveals that the logic of *law — rights — freedom* has constituted an enduring foundation for the organization of all types of legal relations from the time of the Roman Empire to the present day. In contrast, the ancient Greeks conceptualized this relationship through the sequence *freedom — duties — rights*. The study establishes that the emergence in American sociology of a vital «passion for improving society» was largely driven by the search for an alternative to Marxist ideas, particularly in the context of their potential practical implementation. The article also examines the reasons underlying the necessity of institutionalizing mediation within the functioning of legal states governed by the principles of Roman law. This process, like the institutionalization of conflict studies as a whole, is becoming increasingly characteristic of the countries of the «Central Asian Five» as well.

Keywords: Conflict Studies, Social Conflict, Conflict, Reflection, Justice, Institutionalization, Law, Legal Relations, Mediation, the Central Asian Five Countries.

References

- 1 Bolshaia rossiiskaia entsiklopediia [Great Russian Encyclopedia]. *bigenc.ru*. Retrieved from <https://bigenc.ru/c/konfliktologiya-6389da> [in Russian].
- 2 Svetlov, V.A. (2012). *Vvedenie v edinuiu teoriyu analiza i razresheniia konfliktov* [Introduction to a unified theory of conflict analysis and resolution]. (2nd ed.). Moscow: Knizhnyi dom «LIBROKOM» [in Russian].
- 3 Anisimov, O.S. (2008). *Metodologiya i tsivilizatsionnoe samoopredelenie v XXI veke* [Methodology and civilizational self-determination in the 21st century]. Moscow [in Russian].
- 4 Kriukov, N.A., & Kriukova, T.V. (2015). O gnoseologicheskikh aspektakh predstavleniya konflikta [On gnoseological aspects of conflict representation]. *Konfliktologiya. Vestnik Sankt-Petersburgskogo universiteta. Seriya 17. Bypusk 2 — Conflict Studies. Bulletin of Saint Petersburg University, Series 17, Issue 2*, 53–65 [in Russian].
- 5 Plato. (n.d.). *Timei* [Timaeus]. *www.100bestbooks.ru*. Retrieved from https://www.100bestbooks.ru/files/Platon_Timey.pdf [in Russian].
- 6 Hegel, G.V.F. (1974). *Entsiklopediia filosofskikh nauk. T. 1: Nauka logiki* [Encyclopedia of the philosophical sciences. Vol. 1: Science of logic]. Moscow: Mysl [in Russian].
- 7 Marx, K., & Engels, F. (1961). *Sochineniia* [Works]. (2nd ed.). Vol. 23. Moscow: Gosudarstvennoe izdatelstvo politicheskoi literatury [in Russian].
- 8 Marx, K., & Engels, F. (1961). *Sochineniia* [Works]. (2nd ed.). Vol. 20. Moscow: Gosudarstvennoe izdatelstvo politicheskoi literatury [in Russian].
- 9 Anisimov, O.S. (Ed.). (2021). *Filosofsko-metodologicheskii slovar* [Philosophical and methodological dictionary]. Moscow [in Russian].
- 10 Lenin, V.I. (1968). *Polnoe sobranie sochinenii* [Complete works] (5th ed.). Vol. 18. Moscow: Izdatelstvo politicheskoi literatury [in Russian].
- 11 Logika [Logic]. (n.d.). *Bolsheia rossiiskaia entsiklopediia — Great Russian Encyclopedia*. Retrieved from <https://bigenc.ru/c/logika-9c9cca> [in Russian].
- 12 «Opredeliaye znachenie slov...». Ob istochnikakh Pushkinskogo aforizma [«Define the meaning of words...». On the sources of Pushkin's aphorism]. (n.d.). *cyberleninka.ru*. Retrieved from <https://cyberleninka.ru/article/n/opredelyaye-znachenie-slov-ob-istochnikah-pushkinskogo-aforizma> [in Russian].
- 13 Simmel, G. (2006). *Izbrannye raboty* [Selected works]. Kyiv: Nika-Tsentr [in Russian].
- 14 Kozler, L. (2000). *Funktsii sotsialnogo konflikta* [The functions of social conflict] (O. Nazarova, Trans.). L.G. Ionin, (Ed.). Moscow: Ideia-Press [in Russian].
- 15 Bolshaia rossiiskaia entsiklopediia [Great Russian Encyclopedia]. *bigenc.ru*. Retrieved from <https://bigenc.ru/c/sotsiologiya-6bef58> [in Russian].
- 16 Marx, K., & Engels, F. (1955). Nemetskaia ideologiya [The German ideology]. *Sochineniia — Works* (2nd ed.). Vol. 3, pp. 7–544. Moscow: Gosudarstvennoe izdatelstvo politicheskoi literatury [in Russian].
- 17 Anisimov, O.S. (2008). *Metodologicheskii slovar* [Methodological dictionary]. (4th ed.). Moscow [in Russian].
- 18 Marx, K., & Engels, F. (1848). Manifest Kommunisticheskoi partii [Manifesto of the Communist Party]. *www.marxists.org*. Retrieved from <https://www.marxists.org/russkij/marx/1848/manifesto.htm> [in Russian].
- 19 Institutsionalizatsiia [Institutionalization]. (n.d.). *Bolshaia rossiiskaia entsiklopediia — Great Russian Encyclopedia*. Retrieved from <https://bigenc.ru/c/institutsionalizatsiia-7753b9> [in Russian].
- 20 (1955). *Materialisty drevnei Gretsii* [Materialists of ancient Greece]. Moscow: Gospolitizdat [in Russian].

- 21 (1969). *Antologiya mirovoi filosofii* [Anthology of world philosophy] (Vol. 1, Part 1). Moscow: Mysl [in Russian].
- 22 Digesty Yustiniana [Digest of Justinian]. (n.d.). *digestaiust.narod.ru*. Retrieved from <http://digestaiust.narod.ru/> [in Russian].
- 23 Hegel, G.V.F. (1990). *Filosofiya prava* [Elements of the philosophy of right]. Moscow: Mysl [in Russian].
- 24 Bolshaia rossiiskaia entsiklopediia [Great Russian Encyclopedia]. *bigenc.ru*. Retrieved from <https://bigenc.ru/c/mediatsiia-v-prave-2ec0d6> [in Russian].
- 25 Ukaz Prezidenta Respubliki Tadzhikistan [Decree of the President of the Republic of Tajikistan]. (n.d.). *Informatsionno-pravovaia sistema Paragraf — Paragraph Information and Legal System*. Retrieved from https://prg.kz/document/?doc_id=38559247 [in Russian].
- 26 (2011). O mediatsii: Zakon Respubliki Kazakhstan ot 28 yanvara 2011 goda № 401-IV (s izmeneniami i dopolneniami) [On mediation: Law of the Republic of Kazakhstan No. 401-IV dated January 28, 2011 (with amendments and additions)]. *Informatsionno-pravovaia sistema Paragraf — Paragraph Information and Legal System*. Retrieved from https://prg.kz/document/?doc_id=30927376 [in Russian].
- 27 (2025). Zakon Kyrgyzskoi Respubliki ot 14 noiabria 2025 goda [Law of the Kyrgyz Republic dated November 14, 2025]. *Informatsionno-pravovaia sistema Paragraf — Paragraph Information and Legal System*. Retrieved from https://prg.kz/document/?doc_id=39250091 [in Russian].

Information about the author

Baturin Vladimir Stepanovich — Doctor of Philosophical Sciences, Distinguished Professor of the Department of Philosophy and Theory of Culture, Buketov Karaganda National Research University, Karaganda, Kazakhstan, <https://orcid.org/0000-0002-9008-6674>